

Агабекян Раиса Левоновна

доктор экономических наук, профессор,
ректор Академии маркетинга и социально-
информационных технологий – ИМСИТ
dom-hors@mail.ru

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ НЕФОРМАЛЬНОЙ САМОЗАНЯТОСТИ В ЭКОНОМИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация:

В данной статье анализируются причины возникновения неформальной самозанятости на рынке труда в России. Исследуется сфера вторичной занятости: спектр занятий и формы найма. Выделяются факторы, влияющие на расширение самозанятости. Подчеркивается позитивная и негативная роль неформальной занятости в российской экономике.

Ключевые слова:

рынок труда, занятость, безработица, государственное регулирование рынка труда, миграционные процессы, структура занятости, структура безработицы, неформальная экономика, неформальная занятость, формальная и неформальная самозанятость населения, региональные факторы самозанятости.

Agabekyan Raisa Levonovna

D.Phil. in Economics, Professor,
Rector at the Academy of
Marketing and Social Information Technologies
dom-hors@mail.ru

ROLE AND RELEVANCE OF THE INFORMAL SELF-EMPLOYMENT IN THE CURRENT RUSSIAN ECONOMY

Summary:

The article analyzes the reasons of the informal self-employment on the labour market of the modern Russia. The author deals with the sphere of the secondary employment, such as range of occupations and forms of employment, and names the factors influencing spreading of the self-employment. The positive and negative role of the informal self-employment in Russia is considered.

Keywords:

labour market, employment, unemployment, state regulation of the labour market, migration processes, structure of employment, structure of unemployment, informal economy, informal employment, formal and informal self-employment, regional factors of self-employment.

Одной из форм вторичной занятости, которая не контролируется и не регистрируется государственными структурами и полностью зависит от личной инициативы, является «самозанятость» населения. Эта форма нерегистрируемой вторичной занятости «пересекается» с неофициальной занятостью в сфере наемного труда. В нашем случае самозанятость мы будем понимать как форму экономической активности, которая ориентирована не только на рынок труда, но и на рынок товаров и услуг. Виды самозанятости можно условно дифференцировать следующим образом:

- занятость в сфере обмена – мелкая коммерция, посредничество;
- занятость в секторе арендных отношений;
- занятость, связанная с производством услуг;
- занятость в сфере натурального хозяйства с целью жизнеобеспечения и получения денежного дохода на рынке;
- занятость «гастарбайтеров» из стран СНГ, не регистрируемая органами государственного надзора и контроля и другие.

Косвенно о пропорциях распределения самозанятого населения по отраслям можно судить об объеме работ (услуг) и среднесписочной численности работников на малых предприятиях. Разумеется, прямая экстраполяция этих данных на категорию самозанятых совершенно не корректна, так как, во-первых, часть из них зарегистрирована в качестве индивидуальных предпринимателей (ИП) и к рассматриваемой категории не относится, и, во-вторых, просто не может оцениваться по количественным и качественным критериям по аналогии с мелким бизнесом. Однако «дисперсия» занятий и объемов производства на малых предприятиях может нам указать вероятные пропорции распределения самозанятых по секторам экономики. Это объясняется тем фактом, что малый бизнес имеет тенденцию развиваться в областях, прежде всего, с наименьшей капиталоемкостью и наибольшей отдачей. Поэтому определенным «статистическим ориентиром» для нас могут служить данные о «дисперсии» малого бизнеса по секторам экономики (таблица 1).

На основании приведенной статистики можно сделать следующие предположения о направлениях концентрации самозанятости, в том числе неформальной.

Во-первых, в связи с тем, что мы не имеем данных относительно специализации малых предприятий в промышленности, можно допустить, что большинство из них концентрируются в отраслях легкой, пищевой промышленности и других отраслях, где возможно и целесообразно применение мобильных и «негабаритных технологий». Очевидно, факты самозанятости рабо-

чей силы могут иметь место при выполнении подрядных и контрактных работ различного назначения. Следует отметить, что в промышленных отраслях довольно трудно отличить самозанятого работника, предоставляющего различные услуги работодателю, и наемного работника, так как их экономические статусы пересекаются.

Таблица 1 – Численность работавших на малых предприятиях и объем произведенной продукции в 2010 г. (в % к итогу) [1]

Малые предприятия по видам деятельности	Число малых предприятий	Среднесписочная численность (без внешних совместителей) работников	Выручка от реализации товаров (работ и услуг)
Всего, в том числе:	100	100	100
Из него по видам экономической деятельности	-	-	-
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,8	4,9	1,4
Рыболовство и рыбоводство	0,2	0,2	0,1
Добыча полезных ископаемых	0,3	0,4	0,3
Обрабатывающие производства	9,5	14,7	9,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,6	1,4	0,6
Строительство	11,1	12,4	11,8
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий, предметов личного пользования	38,2	27,3	54,7
Гостиницы и рестораны	2,9	4,6	1,8
Транспорт и связь	6,1	6,2	4,3
Финансовая деятельность	1,5	0,7	-
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	21,4	22,8	12,2
Образование	0,3	0,2	0,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,4	1,6	0,6
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2,7	2,7	1,2

Во-вторых, самая большая группа малых предприятий функционирует в области оптовой и розничной торговли – 38,2 % и 55,1 % выручки от реализации товаров. Нам представляется, что этот сектор, особенно сфера коммерции, пользуется «массовым спросом» у части экономически активного населения, скрывающего свои доходы (челночный бизнес). Во всяком случае, даже не зная реальное количество лиц, включенных в эту сферу деятельности, можно с большой вероятностью утверждать, что здесь самый высокий уровень концентрации самозанятых, в том числе нелегалов.

В-третьих, весьма интересна ситуация в строительной отрасли. Это развитый сектор малого бизнеса, занимающий 4 место по числу занятых и 3 место – по выручке. Можно предположить, что на этом уровне происходит «пересечение» легального малого бизнеса с группой самозанятых работников с артельной и индивидуальной организацией труда. Дело в том, что малый строительный бизнес в большинстве своем основан на субподрядах, привлекая рабочую силу и технику, как из специализированных организаций, так и используя бригадный или индивидуальный подряд. Последние формы часто скрывают большое число самозанятых, которые могут временно легализовать свою деятельность и в большинстве своем являются закрытой областью для официальной статистики и контролирующих органов.

В-четвертых, виды деятельности, связанные с операциями с недвижимым имуществом, занимают значительное 2 место как по количеству предприятий – 21,4 %, по числу занятых 22,8 %, так и по объему выручки – 12,2 %. Думается, что этот вид деятельности носит наиболее конфиденциальный и скрытый характер. Последнее обстоятельство объясняется «нематериальностью» активов, которые обращаются в этой сфере. Любой держатель конфиденциальной информации, которая имеет ценность на рынке, пользуется возможностью торговать этим товаром, не легализируя свою деятельность. Если же речь идет о легальных формах, то значительный объем посреднических услуг, предоставляемых клиентам, скрывается от налоговых органов. Причем, в этом бывают часто заинтересованы обе стороны. Таким образом, официальная информация не отражает ни реальной численности, ни действительного объема услуг, произведенных в этих секторах малого бизнеса. Следовательно, можно заключить, что на рынке посреднических услуг нелегально занято гораздо больше людей, чем это фиксируется статистикой.

В-пятых, не менее интересна ситуация в сельском хозяйстве. По статистике, приведенной Росстатом, в 2010 г. среднесписочная численность работников в этом секторе достигала

478,7 тыс. чел. Можно предположить следующее. Значительная часть работников, особенно сезонных, занятых в сельском хозяйстве, потенциально ориентирована на вторичные и неофициальные формы занятости и самозанятости.

Рассмотрим, по аналогии «потенциальное» предложение вторичной и неформальной занятости, которое имеет место на рынках рабочей силы в некоторых сферах экономики. Естественно, что мы создаем всю искусственность тех предположений, которые можно сделать на основе сравнения занятых в сферах экономики в целом и на малых предприятиях (таблица 2).

Таблица 2 – Сравнительный анализ численности занятых по видам экономической деятельности в целом и на малых предприятиях в 2010 г. [2]

Виды деятельности	Численность занятых по видам деятельности, тыс. чел. (x)	Численность занятых на малых предприятиях, среднесписочная, тыс. чел. (y)	X/Y, %	Ранг	Численность занятых в экономике в целом в % к итогу в 2011 г.
Всего, в том числе:	67577	9775,4	6,9	10	100
Из него по видам экономической деятельности	-	-	-	-	-
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	6656	478,7	13,9	6	9,7
Рыболовство и рыбоводство	143	17,9	7,9	9	0,2
Добыча полезных ископаемых	1057	39,1	27,0	3	1,6
Обрабатывающие производства	10292	1435,0	7,1	11	15,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1945	138,4	14,0	5	2,9
Строительство	5380	1214,4	4,4	13	8,0
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий, предметов личного пользования	12057	2666,1	4,5	12	18,3
Гостиницы и рестораны	1183	448,0	2,6	-	1,8
Транспорт и связь	5347	606,1	8,8	8	7,9
Финансовая деятельность	1122	69,4	16,1	4	1,7
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5380	2224,6	2,4	14	8,1
Образование	5902	15,3	385,7	1	8,5
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4621	153,3	30,1	2	6,8
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2531	266,1	9,5	7	3,7

Сравнительные данные, представленные выше, позволяют сделать следующие выводы и предположения.

1. Произошла серьезная реструктуризация занятых по видам деятельности, которая, во-первых, объясняется спадом производства в базовых отраслях, во-вторых, естественным возрастанием роли транзакционных секторов экономики, в-третьих, переливом рабочей силы в сектора с быстрым оборотом капитала. Это, в свою очередь, определило потенциальное и реальное «предложение вторичной занятости» по отраслям, о чем можно судить, в том числе, по интенсивности развития малого частного бизнеса. Нам кажется, что этот индикатор весьма объективен, так как дает реальное представление не только об основных направлениях развития легального бизнеса, но и о реальных официальных и неофициальных формах занятости и самозанятости, которые в целом выбирают те же «пути», по которым идет малое предпринимательство.

2. Первая тенденция, которая наблюдается в течение изучаемого нами периода. Спад в ряде отраслей материального производства, является естественной причиной повышения экономической активности в малом бизнесе этих же отраслей. Естественно, что эта активность не компенсирует спад на крупных и средних предприятиях, но является все же определенным показателем «прорыва» «потенциального предложения» в сферу малого бизнеса. Данное обстоятельство, в свою очередь, является косвенным показателем интенсивности поиска сферы «вторичной» официальной занятости и самозанятости. Особенно ярко проявляется эта тенденция в строительстве. Это одна из самых «рыночных» отраслей экономики. Очевидно, что активность в сфере вторичной официальной и неофициальной занятости и самозанятости здесь также наибольшая.

3. Эта же тенденция наблюдается в науке и научном обслуживании. С 1992 г. происходит уменьшение вдвое численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками.

ми с 1532,6 тыс. чел. в 1992 г. до 736,5 тыс. чел. в 2010 г. [3]. Высокая квалификация персонала в научном секторе позволяет предположить, что значительная часть этой категории является потенциальным ресурсом предложения труда не только в частном научном бизнесе, но и в других сферах экономики.

4. Оптовая и розничная торговля – сектор, где наблюдается рост занятых в целом. Одновременно на малые предприятия этого же профиля привлечено самое большое число работников. С 2005 по 2011 г. число занятых в этой сфере увеличилось почти на 10 %, а на малых предприятиях работает 23 % от общего числа занятых в этой сфере. Однако для нас имеет большое значение интенсивность развития малого бизнеса, поскольку она является косвенным показателем различных форм официальной и неофициальной вторичной занятости и самозанятости. Иная ситуация сложилась в секторе коммунальных, социальных и персональных услуг. Здесь, при незначительном увеличении занятости с 2005 по 2011 г. на 2,3 %, не наблюдается интенсивного перелива работников в сферу малого предпринимательства. Однако, исходя из специфики организации труда в этом секторе, можно предположить, что в нем имеет место значительное число фактов неформальной занятости и самозанятости.

5. Финансовый сектор экономики, согласно данным официальной статистики демонстрирует за анализируемый период существенный рост числа занятых (с 2005 по 2011 г. на 26,6 %). Можно сделать предположение, что в этой отрасли, при незначительном числе зарегистрированных работников в малом бизнесе, имеется достаточное число случаев нерегистрируемой занятости и самозанятости. Речь идет о пользующихся в настоящее время большим спросом услугах финансово-кредитного посредничества, инвестиционного и аудиторского консалтинга. Следует отметить, что здесь неучтенные единичные доходы в неофициальной сфере занятости могут достигать самой большой величины по отношению к другим видам деятельности.

Нам представляется, что особенно массовое развитие получили две формы самозанятости, которые можно отнести к неофициальным. Это деятельность в области мелкой коммерции, посредничества и деятельность в сфере натурального обеспечения и мелкотоварного, в основном сельскохозяйственного, производства. Последняя форма занятости и самозанятости, связанная с жизнеобеспечением и получением дополнительного дохода – типичное явление для советской экономики. Естественно, что в условиях экономических кризисов, она становится основным средством самообеспечения миллионов людей (таблица 3).

Таблица 3 – Доля произведенной хозяйствами населения сельскохозяйственной продукции в общем объеме производства, в % [4, с. 256]

Год	1992	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011
Продукция сельского хозяйства	33,3	47,8	51,6	49,3	43,4	47,0	48,3	43,4
В том числе:								
растениеводства	30,7	52,4	47,7	46,4	38,3	44,6	48,4	40,5
животноводства	35,7	42,6	55,9	51,9	49,0	49,4	48,3	46,8

Если натуральное самообеспечение на базе личных подсобных хозяйств являлось типичной формой неофициальной занятости в советский период, то неформальная занятость в сфере экономического обмена (мелкая коммерция и посредничество) получила свое массовое развитие в современных условиях. Можно выделить 3 основные причины появления этого явления.

1. Либерализация экономической деятельности в нашей стране и естественное возникновение транзакционного и негосударственного коммерческого секторов, обеспечивающих процесс обмена экономическими ресурсами в условиях зарождающегося рынка.

2. Потребность рыночной экономики в разветвленной системе коммерческих и посреднических услуг для оптимизации и ускорения оборота экономических ценностей.

3. Резкий спад производства в традиционных секторах экономики в связи с трансформационным кризисом и невозможностью государства обеспечить занятость для миллионов появившихся безработных.

Естественно, что официально легализировать ту часть населения, которая использует коммерческий и посреднический сектор для получения дополнительного или основного дохода весьма проблематично. Особенно это касается посредничества, где, на наш взгляд, занято регулярно или эпизодически множество людей и оказавшихся за чертой бедности, и получивших экономические преимущества в результате приватизации. О миллиардных сделках, которые проходят через спонтанно возникшие посреднические и коммерческие сети, официальной информации, к сожалению, не существует. Есть только предположительные оценки масштабов этого бизнеса.

Другой сектор полуформальной и неформальной занятости – это розничные рынки и ярмарки. Масштабы занятости в этом секторе малой оптовой и розничной торговли также весьма велики и плохо поддаются реальной количественной оценке. Они намного выше официальных данных о числе занятых в торговле. О масштабах этого явления некоторое представление дает статистика оборота розничной торговли (таблица 4).

Таблица 4 – Оборот розничной торговли по формам торговли, в % к предыдущему году [5]

Годы	Всего	Оборот торгующих организаций и ИП вне рынка	Продажа товаров на розничных рынках и ярмарках
1992	100	78,4	21,6
1995	100	73,4	26,6
2000	100	73,7	26,3
2005	100	74,8	25,2
2007	100	84,8	15,2
2008	100	86,8	13,2
2009	100	86,6	13,4
2010	100	87,5	12,5
2011	100	88,4	11,6

Все рынки при различных объемах торговли, количестве торговых мест и специализации характеризуются следующими общими особенностями, которые дают представление о структуре и функциях занятого контингента, а также степени легализации их деятельности. Выделяют следующие виды мотивов, побуждающих заниматься данным видом деятельности:

- накопление стартового капитала для открытия в будущем своего дела;
- создание финансовой базы для безбедного существования;
- поддержание необходимого уровня потребительских стандартов;
- накопление средств для приобретения недвижимости, получение за довольно крупную сумму российского гражданства, прописки;

– накопление средств с целью получения высшего образования;

– желание накопить деньги для поездки за рубеж;

– необходимость вернуть долги и т.д.

Естественно, что эта мотивация занятости отражает в большинстве своем намерения тех, кто непосредственно занят неформальным бизнесом, а не наемных работников. Последние, как правило, относятся к «полумаргинальным» слоям, часть которых, к тому же, не является гражданами России.

Главная особенность этих категорий, что и является предметом нашего внимания, – это их нелегальный статус. Большинство из них не имеют формального статуса и не стремятся к его легализации, часто действуя через посредство подставных лиц.

Третья категория – это наемные работники, которые часто являются фиктивными арендаторами торговых мест. Четвертая категория, которая совсем уходит в «тень», это арендаторы самого рынка или его части, получающие нелегальный доход с «хозяев», то есть бизнесменов, являющихся собственниками продаваемого товара. Четвертая категория – это лица, которые относятся к представителям официальных структур в лице работников, контролирующих различные сферы деятельности рынков и т.д. Естественно, что здесь возникает достаточно сложная иерархия отношений между этими категориями, которая отражает весьма причудливый симбиоз легальных и нелегальных форм занятости, к которой имеют то или иное отношение все представители перечисленных выше категорий.

Важной особенностью так называемых вещевых рынков является их «этнический сектор», который отражает миграционную составляющую российского рынка труда. Это самый закрытый сектор неформальной экономики, о котором практически нет достоверных данных.

Естественно, что нас интересуют в большей степени процессы, касающиеся российского рынка труда, на функционирование которого оказывают воздействие все перечисленные выше потоки. Одни из них уменьшают емкость российского рынка, другие обеспечивают приток рабочей силы. В результате чего возникают весьма сложные динамические процессы, которые «проблематизируют» внутренние общероссийские и региональные рынки рабочей силы, создавая внутри них дисфункции и усложняя методы их государственного регулирования и контроля.

Обратимся к данным официальной статистики, которые фиксируют параметры международной миграции по РФ и динамику вынужденных переселенцев и беженцев (таблица 5).

Таблица 5 – Миграционный баланс Российской Федерации с 1995 по 2011 г. (чел.) [6]

Миграция	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Прибыло в РФ	842050	359330	177230	186380	286956	281614	279907	191656	356520
Выбыло из РФ	339600	145720	69798	54061	47013	39508	32458	33578	36477
Переселенцы и беженцы в РФ	271977	59196	8914	7177	6802	4337	4092	2135	2096
Численность иностранных работников, осуществляющих трудовую деятельность в РФ	281,1	213,3	702,5	-	-	-	2223,6	1640,8	-

Как видно из приведенных данных в таблице 5, сальдо по прибытию и убытию мигрантов по России имеет положительное значение по всем показателям. Это касается общего баланса, а также балансов внутренней миграции и миграционных потоков между Россией, странами СНГ и

Балтией. Нам представляется, что данные параметры миграционного оборота населения объясняются двумя основными факторами: процессами перераспределения представителей «титульных» национальностей между указанными странами и более высоким уровнем жизни и, соответственно, занятости в РФ. Данная ситуация отражается на специфических особенностях «поведения» российского рынка труда, который находится в значительной степени под давлением первого фактора. Рассмотрим их проявление более подробно [7, с. 170–171].

Анализ статистических данных позволяет сделать определенные предположения о притоке-оттоке трудовых ресурсов в РФ. В течение всего периода с 1995 по 2011 г. наблюдается стабильно положительное значение сальдо миграционного оборота в пользу России.

Дополним анализируемую нами информацию сведениями о вынужденных беженцах и переселенцах. Последние, как правило, не возвращаются обратно и, самое главное, их число может служить показателем этнической дискриминации, в том числе на национальных рынках труда. Следует отметить, что интенсивность этнической миграции из этих стран в Россию к 2005 г. практически завершилась. Это объясняется, во-первых, постепенным сокращением числа лиц некоренной национальности, и, во-вторых, медленной тенденцией к стабилизации социально-политической и экономической ситуации в странах СНГ и Балтии.

Обладает определенной спецификой баланс миграционных потоков между Россией и странами Закавказья. Самый интенсивный миграционный отток наблюдается из Армении. В то же время дискриминационный фактор вынужденной миграции в этой стране самый низкий в Закавказье, что косвенно указывает на интенсивный отток коренного населения в Россию в связи со сложной экономической ситуацией в стране. Несколько иная ситуация в Грузии, но зато гораздо выше факторы политической дискриминации некоренного населения.

Следующая группа стран, где наблюдается самый интенсивный поток миграции, – это страны Азиатского региона, особенно Узбекистан и Казахстан.

Нам представляется, что в более отдаленной перспективе возникнет ситуация своеобразного равновесия, на которую будут влиять прежде всего экономические и социокультурные факторы, а не «тектонические процессы», связанные с перестройкой этнических структур стран этого региона.

Большое абсолютное число вынужденных мигрантов стабильно наблюдается в Казахстане. Если сравнительная интенсивность миграции населения здесь меньше, то по абсолютным значениям вынужденных мигрантов Казахстан является лидером. Это, прежде всего, объясняется большим числом русских, проживающих на его территории.

Последняя группа стран, которая занимает особое место в обмене человеческими и трудовыми ресурсами, – это страны Балтии. Они проводят преимущественно изоляционистскую политику по отношению к России, что отражается и на особенностях миграционных потоков между ними.

Основная причина – дискриминационные барьеры для русскоязычного населения, экономически активная часть которого поставлена в неравные гражданские и профессиональные условия по отношению к коренному населению. Таким образом, национальные рынки труда в этих странах, во-первых, институционально не равновесны; во-вторых, делятся на два неконкурентных этнических сектора; в-третьих, находятся в состоянии односторонней мобильности рабочей силы по отношению к российскому рынку труда.

Таким образом, рассмотрев динамику миграционных потоков из стран СНГ и Балтии, можно резюмировать следующее. Основными факторами, которые способствуют положительному сальдо обмена человеческими и трудовыми ресурсами в пользу России на постсоветском пространстве, являются: а) национальная консолидация в странах, получивших независимость, вызвавшая «маргинализацию» значительной части русскоязычного населения и оттока его на этническую родину; б) резкое, даже по сравнению с Россией, падение уровня жизни в странах-донорах, что объективно способствовало оттоку части рабочей силы с национальных рынков труда в РФ. Последнее обстоятельство в меньшей степени касается стран Балтии.

Второй фактор, который детерминирует интенсивный отток трудоспособного населения из национальных рынков труда государств «ближнего зарубежья» – резкий спад общественного производства. Об этом можно судить по темпам изменения ВВП в странах СНГ за период с 2002 по 2009 г. Динамика падения реального ВВП в период трансформационного спада в России, как правило, ниже, чем в других странах СНГ. Естественно, что этот разрыв способствовал созданию условий интенсивной миграции экономически активного населения на российский рынок труда. Это утверждение можно подтвердить путем сравнения реальных характеристик национальных рынков труда стран СНГ в 2009 г. (таблица 6).

Таблица 6 – Основные параметры рынков труда стран СНГ в 2009 г. [8, с. 760–761]

Страна	Среднегодовая численность занятых в экономике (млн. чел.)	Численность безработных (тыс. чел.)	Удельный вес безработных в общей численности экономически активного населения (%)	Темпы роста реальных доходов населения (2000=100)
Азербайджан	4,1	260	6,0	347,8
Армения	1,1	266	18,7	297,7
Белоруссия	4,6	40	0,9	288,1
Грузия	-	-	-	-
Казахстан	7,9	555	6,6	221,0
Киргизия	2,2	204	8,4	265,2
Молдова	1,2	81	6,4	291,8
Россия	67,3	6162	8,2	275,0
Таджикистан	2,2	241	11,5	519,1
Туркмения	-	-	-	-
Узбекистан	11,3	-	-	-
Украина	20,2	1959	8,8	315,7

По данным Росстата, численность иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в России, составила в 2010 г. 1640,8 тыс. чел. – 0,8 % от числа прибывших в Россию иностранцев, даже учитывая тот факт, что речь идет только об официально регистрируемой миграции. Нелегальная иммиграция наблюдается не только из стран СНГ, но также со стороны дальнего зарубежья: Китай, Северная Корея, Вьетнам и другие. Эти данные, которые нельзя назвать достоверными, все же дают возможность оценить масштабы «этнических» рынков труда, которые занимают свою особую нишу в российской экономике. Следует отметить, что данный феномен – явление не уникальное. Главная его особенность заключается в том, что этническое предпринимательство и вырастающие на его основе, в основном неформальные, виды занятости являются автономными анклавами экономической культуры, что характерно для большинства этнических групп, проникающих и закрепляющихся в экономике различных стран. Другое дело, что особенности того или иного этноса, его «близость» или «отдаленность» от социокультурной страны пребывания, определяют пороги адаптации и степень «врастания» в экономику. Например, в условиях России наблюдаются «закрытые» и «открытые» сектора так называемого «этнического» рынка рабочей силы (занятости).

В рассматриваемой нами статистике есть один примечательный факт. Отсутствуют данные по коммерческому сектору, а если они «скрыты» в секторе бытового обслуживания, то весьма незначительны. В нем, на наш взгляд, концентрируется самая неквалифицированная рабочая сила, которая и не регистрируется официальной статистикой. Последняя ситуация и отражает специфику этнической консолидации в рамках в основном неофициальной занятости, которую можно наблюдать на повсеместно разрешенных в РФ вещевых и продовольственных рынках.

Ранее мы уже дали характеристику неформальных рынков труда и соответствующих им секторов неформальной занятости в развитых рыночных экономиках [9]. Постараемся обобщить изложенный нами материал. Данную проблему в современных условиях можно рассматривать в нескольких аспектах.

Первый аспект касается способов существования рынков труда, которые полностью не могут контролироваться государственными структурами. Во-первых, конкретные параметры их функционирования часто носят конфиденциальный и закрытый характер. Во-вторых, процессы их возникновения и существования опережают возможности официальной статистики и экспертов фиксировать их качественные и количественные характеристики. В-третьих, даже формальный (официальный) рынок труда, отраженный в статистических данных и находящийся под контролем служб государственного регулирования, может демонстрировать такие нюансы поведения, которые невозможно предвидеть и прогнозировать. В-четвертых, конкретный рынок труда представляет собой сложнейшую стохастическую систему, связанную с множеством факторов и составляющих, на действие которых не всегда можно реагировать адекватным образом. В-пятых, структура рынка труда еще более усложняется, когда речь идет об определенной фазе его развития. Это связано с тем фактом, что например, в условиях переходной экономики, происходит весьма сложная перестройка традиционных форм организации занятости, основанных на механизмах и институтах государственно-планового управления. Таким образом, экономическая свобода рыночных агентов, которая является основным фактором функционирования рыночной экономики, реализуется в условиях относительного институционального вакуума, который открывает простор субъектам, получившим преимущество в плане максимизации своей экономической выгоды. Это, в свою очередь, создает неравные шансы поиска альтернатив тем агентам рынка, которые находятся под контролем монополистов и становятся естественными аутсайдерами. Речь в данном случае идет о большинстве работников отечественных предприятий и организаций, которые связывают свое существование с работой по найму.

Второй аспект связан с фактом экономической и социальной свободы, которая декларируется, но всегда обеспечена, поскольку не создана необходимая институциональная база, обеспечивающая и защищающая права всех субъектов рыночных отношений. Кроме того, отсутствует разветвленная и альтернативная система обмена на рынке труда, предполагающая наличие оптимального количественно-качественного баланса конкурирующих за рабочие места и рабочую силу продавцов и покупателей.

Третий аспект связан с созидательной функцией рынка труда, агенты которого создают, покупают или «арендуют» рабочие места и не регламентируются государственными структурами в праве своего экономического выбора. Естественно при условии, что они реализуют или стараются реализовать легитимные и легальные модели поведения. В рамках переходного периода возникают две противоречивые ситуации. С одной стороны, экономическая свобода, в основном, декларируемая, но институционально необеспеченная открывает реальный простор для поиска или создания альтернатив занятости, как со стороны работодателей, так и работников. С другой – узкий диапазон выбора, ограниченный архаичной структурой общественного производства и не менее архаичными институциональными формами организации труда на предприятиях способствуют длительному сохранению патерналистских ценностей гарантированной занятости. Они и определяют мотивацию значительного числа работников, ориентированных на наемный труд. В свою очередь, минимальные ресурсы государства в условиях либерализации и устранения государственного влияния на поддержание оптимальной занятости, порождают коренную ломку патерналистских ценностей в силу лишь одной необходимости самообеспечения и самовывживания. Большинство самозанятых работников, функционирующих в сфере малого бизнеса, ориентировано не на альтернативы экономической свободы в условиях зарождающегося рынка, но просто поставлено перед жесткой необходимостью самообеспечения. Неабстрактные возможности рыночной свободы заставляют их, а также привлекаемых ими наемных работников, сталкиваться с анархией зарождающегося рынка, а жесткая необходимость – самостоятельного поиска доходов.

Четвертый аспект связан с легализацией неформальной занятости. По существу, преодолевая институциональный вакуум, значительная часть населения, включившаяся в стихийный процесс становления рынка, обязана лишь самой себе в плане собственного обеспечения. И те доходы, которые были при этом получены с точки зрения их реальных пользователей, не являются официальной базой для налогообложения. Это связано с тем фактом, что затраты, предшествующие получению этих доходов, при высокой степени риска и неопределенности, не могут быть измерены только денежными и ценовыми эквивалентами. Разумеется, что эта точка зрения отражает лишь «мнение» доходополучателей.

Любые формы экономической активности, обеспечивающие самостоятельный доход, реализуются в рамках определенной социально-экономической инфраструктуры, за которую необходимо платить. Но эта очевидная истина всегда просматривается через определенную призму экономических интересов и противоречий отдельных субъектов рынка и государства, которые «преодолеваются» путем принуждения государственных органов, обязывающих перераспределять доходы в соответствии с целесообразно устанавливаемой пропорцией. И это противоречие, которое всегда имеет место, даже в странах с развитой рыночной экономикой, превращается особенно в стартовых условиях перехода к рынку в серьезную проблему и для доходополучателей (собственников рабочих мест и наемных работников), и для государства. Это объясняется тем фактом, что риск доходополучателей в стартовых условиях перехода к рынку не имеет прецедента. Система, которая предоставляет экономическую свободу, в том числе в сфере занятости, не «инвестирует» потенциальных доходополучателей положительным и все расширяющимся опытом прошлых поколений. Естественно, что опыт прошлых десятилетий и столетий, который институализирован в нормативной системе рыночного поведения развитых западных стран, а также в накопленных технологических, коммерческих и финансовых технологиях, в условиях становления рыночных отношений отсутствует. Это многократно увеличивает цену риска и усилий, которые затрачиваются активными субъектами рынка в процессе самостоятельного поиска или создания рабочих мест в современной российской экономике.

Ссылки:

1. Россия в цифрах – 2012 // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/issWWW.exe/Stg/d1/13-06.htm (дата обращения: 10.10.2013).
2. Там же.
3. Там же.
4. Россия в цифрах – 2012: крат. стат. сб. // Росстат. М., 2012. 573 с.
5. Там же. С. 369.
6. Там же. С. 93–94.
7. Агабекян Р.Л. Основные тенденции реструктуризации национальных рынков труда в условиях глобализации мировой экономики // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. Вып. 1 (41). 2012. С. 169–178.
8. Российский статистический ежегодник. 2010: стат. сб. // Росстат. М., 2010. 813 с.
9. Агабекян Р.Л. Феномен неформальной занятости в российской экономике // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. URL: <http://teoria-practica.ru/-1-2013/economics/agabekyan.pdf> (дата обращения: 11.10.2013).

References:

1. 'Russia by the Numbers – 2012' 2013, *Federal State Statistics Service*, retrieved 10 October 2013, <http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/lssWWW.exe/Stg/d1/13-06.htm>.
2. 'Russia by the Numbers – 2012' 2013, *Federal State Statistics Service*, retrieved 10 October 2013, <http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/lssWWW.exe/Stg/d1/13-06.htm>
3. 'Russia by the Numbers – 2012' 2013, *Federal State Statistics Service*, retrieved 10 October 2013, <http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/lssWWW.exe/Stg/d1/13-06.htm>
4. 'Russia by the Numbers – 2012: short. stat. Sat' 2012, *Statistics*, Moscow, p. 573.
5. 'Russia by the Numbers – 2012: short. stat. Sat' 2012, *Statistics*, Moscow, p. 369.
6. 'Russia by the Numbers – 2012: short. stat. Sat' 2012, *Statistics*, Moscow, pp. 93-94.
7. Agabekyan, RL 2012, 'Major trends restructuring of national labor markets in a globalizing world economy', *Herald Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, issue. 1 (41), pp. 169-178.
8. 'Russian Statistical Yearbook. 2010: stat. Sat' 2010, *Statistics*, Moscow, p. 813.
9. Agabekyan, RL 2013, 'The phenomenon of informal employment in the Russian economy', *Theory and practice of social development*, no. 1, retrieved 11 October 2013, <<http://teoria-practica.ru/-1-2013/economics/agabekyan.pdf>>.